

Владимир Римский

(Фонд «Индем»)

«Если реально поддерживать и обеспечивать традиционные ценности и нормы социального поведения, это будет приводить к отставанию нашей страны в конкуренции с развитыми и даже развивающимися странами»

Владимир Римский: Я бы хотел вернуться к первому слову названия нашего Круглого стола, и обратить внимание на то, что это проект для современной России. Действительно само понятие «проект» в его нормативном смысле, как он понимается в академических словарях и энциклопедиях, предполагает, что в проекте есть какой-то замысел, есть какой-то план, который реализуется с привлечением тех или иных ресурсов для достижения заранее определённой цели. К сожалению, в нашей ситуации (я эту свою версию излагаю, не утверждая, что я абсолютно прав) этот проект, скорее всего, если он и проект, то проект постмодернистский. То есть это не план реализации какой-то идеи, которая появилась и какими-то ресурсами целенаправленно осуществляется. Это ситуативная конструкция. Главное в этом проекте, что и характеризует его как постмодернистский, – его продолжение неограниченно долго по времени и вовлечение в него как можно больше участвующих. В этом смысле такой проект не направлен на достижение какой-то цели, точнее его целью является достижение некоторого состояния, которое организаторы проекта хотели бы сохранить как можно дольше.

Посмотрите, что с точки зрения политики происходит в нашей стране и в окружающих нас постсоветских странах, что делает наша власть. Она старательно вовлекает, например, в развитие ситуации на Украине весь мир без исключения. Каждый субъект мировой и национальной политики что-то в этой ситуации должен делать, играть какую-то свою роль, естественно, подчинённую руководству нашей страны. Это, по моему мнению, главная цель российской политики в отношении Украины. И еще, что очень важно, –

заметно желание руководства нашей страны, чтобы этот «украинский» проект продолжался как можно дольше: ситуация должна меняться, но всё время должна привлекать внимание к нашей стране, демонстрировать влияние руководства России в разрешении возникающих в этих изменениях проблем, как внутриукраинских, так и международных. И таким образом способствовать поддержанию высокого статуса России в международной политике и экономике, в первую очередь, в связи с поставками российского газа в Европу. Сколько будет продолжаться такой проект, как дальше будет складываться ситуация на Украине и её взаимоотношения с нашей страной – об этом, на мой взгляд, никто не думает. У руководства нашей страны сформировалась уверенность, что при любых изменениях этой ситуации они найдут способ убедить мировое сообщество, Европейский союз, США и другие страны в способности России на эту ситуацию повлиять. И тогда выгодным становится продолжать такой проект как можно дольше, чтобы все время эта ситуация демонстрировала значимость России в мире, свидетельствовала о том, что Россия – это великая держава. И действительно посмотрите: в результате развития ситуации на Украине с конца осени 2013 года мировые СМИ стали писать о России. Американские СМИ, даже кабельные каналы, стали обсуждать ситуацию на Украине, иногда не зная, где вообще эта страна – Украина находится. И необходимо признать, что руководство России добилось своего: весь мир говорит о России. О чем говорит конкретно говорит мир – это в таком постмодернистском проекте не столь важно, потому что главное в нём – постоянное привлечение внимания к нашей стране и даже вовлечение в происходящие события большого числа стран, международных организаций и т.п.

Теперь о том, насколько этот проект создаёт или поддерживает консерватизм российского социума. На мой взгляд, этот политический постмодернистский проект нужно оценивать с учетом того, каковы сейчас наши граждане. Как гражданин я сожалею, а как исследователь констатирую, что этот проект отвечает на социальный запрос поддержки консерватизма в представлениях, мотивациях и ценностях российского социума. Почему?

Потому что в современном мире происходит распад старых, консервативных ценностей, снижение их значимости, массовый отказ от следования этим ценностям в социальном поведении. Почему так происходит? Потому что теперь те ценности, которые, может быть, мы ещё 20-30 лет назад где-то в художественной литературе находили, на которые нас призывали ориентироваться в жизни, которые изучались в средней школе, которые в школе представлялись как правильные и соответствующие общественной морали, теперь уже в реальной жизни могут даже мешать. Попробуйте заниматься бизнесом по закону или принимать и исполнять решения в органах власти в соответствии с нормами традиционной морали. Я вам очень сочувствую, при всём желании невозможно ни то, ни другое. По нашим интервью из исследований коррупции такой бизнес в течение примерно одного квартала станет неприбыльным, скорее всего, просто закроется, А такой орган власти будет расформирован тоже в течение очень короткого периода времени, потому что такой орган власти не сможет осуществлять государственную политику, взаимодействовать с другими органами власти по принятым в этой сфере правилам и т.п.

Для граждан следование нормам традиционной морали в социальном поведении тоже уже стало невыгодным, потому что может приводить к проигрышам в конкуренции за различные социальные ресурсы, начиная от места ребёнка в детском саду и места автомобиля на парковке, а заканчивая получением престижной работы с высокой оплатой. Во всех сферах социальной жизни и деятельности нужно не следовать традиционным ценностям, а, наоборот, адаптироваться к ситуации снижения их ценности, их фактическому распаду, искать те нормы и те правила поведения, которые выгодны индивиду, организации, органу власти, и так поступать, даже с нарушениями норм морали. Соответственно, этот распад ценностной системы приводит к тому, что действуют некие ситуативные приоритеты – то, о чем говорил Григорий Львович Кертман. То есть для каждого нашего гражданина важно и полезно то, что ему нужно сейчас, в текущий момент жизни. При этом очень часто даже в нашем бизнесе (посмотрите внимательно) не оценивается, что будет буквально через пять-шесть месяцев,

через год, а уж вопрос, что будет через пятнадцать лет, - это вообще непонятно. И даже в государственном управлении нашей страны вопросы такого долгосрочного прогнозирования не поднимаются, их подменяют мечты о желательном будущем.

У нас, между прочим, есть разные государственные проекты и программы. Но их все следует оценить как декларации. Там не написано, как реально достигать тех или иных значений показателей, это просто декларируется. Программы и проекты становятся некими сказками. А проект отличается от сказки тем, что в проекте есть план, как достичь поставленных целей, с помощью каких ресурсов, противодействуя каким негативным явлениям, используя какие средства и методы обеспечения достижения поставленных целей даже в ситуациях такого противодействия. У нас обсуждается периодически, например, как реформировать судебную власть и полицию, пенсионную систему и систему соцобеспечения, как осуществить реструктуризацию экономики и привлечь в неё инвестиции. Но эти обсуждения не приводят к выработке реальных решений такого рода стратегических проблем общества и государства. В этой ситуации остается только одно: вместо разработки реальных проектов и программ вести постмодернистские проекты, в которых декларируются решения стратегических проблем, но которые направлены не на это, а на максимально длительное осуществление самих себя, т.е. самих этих постмодернистских проектов. Эти проекты всегда реагируют на события, а не формируют их последовательности для достижения стратегических целей, они адаптируются к меняющейся реальности, а не меняют её по разработанным планам. Фактически, это означает, что организаторы и руководители таких проектов подчиняются либо случайности, либо чужим стратегиям, формирующим наблюдаемые нами последовательности событий.

Я не буду это подробно подтверждать. Приведу только одно подтверждение. Я думаю, вы эту ситуацию помните. Когда Владимир Владимирович Путин объяснял, почему недавно Россия вмешалась в ситуацию в Крыму. Он сказал: мы не хотели, мы даже не думали, что наше вмешательство потребуется, но вдруг события стали развиваться так, что нам

пришлось это сделать. Вот типичный постмодернистский проект. Если бы он был настоящим, нормальный, модернистский проект, это были бы десятилетия работы для того, чтобы получить то, что желательно, чтобы достигнуть заранее поставленных целей, и понимать, как действовать при различных сценариях развития событий.

В современной российской ситуации получается поэтому, что наша страна всё время реагирует на события, на развивающиеся сценарии развития событий, которые направляются не нами. Мне кажется, никто пока этого не отметил. А ведь эта реакция на события делает нашу политику очень слабой. Потому что наша собственная стратегия вообще не формируется, как таковая, и потому не может быть реализована. И это все понимают. Но что реально можно делать, когда не получается собственной стратегии? Можно пытаться стать в этой ситуации все-таки значимыми, и тогда мы реагируем на события так, чтобы привлечь внимание, чтобы вовлечь в эту ситуацию как можно больше и наших граждан, и организации типа Европейского Союза, ООН, и американскую администрацию – всех, кого можно. Так можно показать свою собственную значимость. А как долго это может продолжаться (был такой вопрос в анонсе нашего Круглого стола)? Неизвестно.

Могу ошибаться, но я уверен, что об этом вообще разговора, скажем, в администрации президента и российском правительстве просто нет. Как долго это будет продолжаться? Неважно. Пока есть этот ресурс, мы с ним работаем. Видимо, таким является ход мыслей принимающих политические решения. И, на мой взгляд, у них есть некая уверенность, что аналогичные ситуации, может быть, разного масштаба, может быть, не такой силы, но они возникали постоянно, и каждый раз какой-то выход находился. И когда этот ресурс будет исчерпан, можно будет найти другой.

Это точно такой же постмодерн. Найдем выход, ничего страшного. Опять возникнет какая-то ситуация, в которой мы снова станем такими же значимыми, такими же привлекающими внимание и снова получим некий ресурс для продолжения своей политики.

Здесь еще последний аспект, на который я обращаю внимание. Эта политика, может быть, не осознается рационально нашими гражданами. Но

она поддерживается. Почему? Потому что, к сожалению, для меня опять, могу ошибаться, но это моя интерпретация результатов социологических исследований. Все наши активные граждане, о которых с такой теплотой здесь говорилось, как раз живут точно в том же постмодерне. Они не думают о том, что будет дальше. Они не пытаются выстраивать какие-то проекты амбициозного плана, типа победы в честной конкуренции с сильным противником. Допустим, условно, типа завоевания европейского рынка каким-то российским товаром, кроме природного газа. Зачем ставить такие цели? Нужно прямо сейчас получить свою прибыль. И – все. Сегодня получили, в этом квартале получили, дальше будет новая ситуация – будем жить дальше, найдём новые варианты получения прибылей. По моим оценкам – это типичная ситуация в нашем госуправлении и крупном бизнесе. В частности, примерно так ведёт себя Газпром на европейском и азиатском рынках природного газа.

Российские граждане в большинстве своём такую политику поддерживают, такие постмодернистские проекты поддерживают, потому что они действительно отвечают практике самых активных людей. Не всех, безусловно. Конечно же, есть те, кто настроен либерально. Те, кто совершенно не признает и не поддерживает такую политику. Те, кто хотел бы реальных реформ. Но эти наши социальные группы политически очень слабые и маловлиятельные в политике. Хотя отдельных сторонников либеральных идей можно найти во всех сферах, в частности, в российском правительстве. Но они очень слабые, не определяют ничего в системах принятия решений. Поэтому в итоге они подчиняются таким постмодернистским проектам.

То есть, к сожалению, для меня опять же, как гражданина получилось, что этот проект «консервативного человека» реально существует и поддерживается большинством нашего социума. Правда, я бы этот проект не назвал консервативным, а оценивал бы как поддержание определённого традиционализма в общественном сознании и социальных практиках. Общественный запрос на традиционализм довольно значим, поскольку большинством наших граждан негативно оценивается распад моральных

ценностей, снижение значимости традиционных ценностей семьи, воспитания детей и подростков, уважения к социальным заслугам и старости, массовый отказ от следования этим ценностям в социальном поведении. И демонстрация руководителями постмодернистских проектов их озабоченности такими проблемами, декларации необходимости их решать приводят к расширению поддержки этих проектов. Но ведь целями постмодернистских проектов являются не решения продекларированных проблем, а вовлечение в них максимально широкого спектра социальных общностей. И демонстрация поддержки консерватизма этому вовлечению очень сильно способствует. Но, с другой стороны, если реально поддерживать и обеспечивать традиционные ценности и нормы социального поведения, это будет приводить к отставанию нашей страны в конкуренции с развитыми и даже развивающимися странами в мировой политике и экономике. Правильно Вы говорили, что все чужое мы должны отвергать, строить что-то свое. И у нас получился замечательный ресурс. Сначала мы его сами сделали. Это Олимпиада. Потом у нас «возникли» украинские события. И мы с этими ресурсами работаем в постмодернистских проектах. И нормально у нас получается. И самое интересное при этом: многие реальные проблемы, проблемы социальные, например, уходят на второй план, их актуальность в общественном сознании снижается в сравнении с военными действиями на Украине. И мы теперь все – от госуправления до представителей среднего класса – заняты не решениями своих общественных проблема, а думаем про Украину. Долго это будет продолжаться? Я думаю, что нет, не очень долго.

Ведь наши собственные проблемы остаются, надо что-то делать для их решений. Но, скорее всего, лица, принимающие решения в российской политике, будут искать другой ресурс, такого же типа, как Олимпиада или Украина, столь же декларативный, столь же публичный, но не основанный на решении каких-то реальных проблем, продвижении каких-то реальных стратегий. Так что в этом плане, с одной стороны, проект, который мы обсуждаем, конечно, очень ситуативный. Но, с другой стороны, мне кажется, он показывает просто суть нашей российской политики. Этот проект

неизбежно сменится каким-то другим. Он, может быть, будет на другой основе, но он будет очень похож на нынешний, потому что и нынешний – похож на некоторые предыдущие, это уже своеобразная традиция российской политики. И сама эта политика по такому типу развития может осуществляться очень долго. Россия – очень богатая страна, ресурсы для жизни и для таких постмодернистских проектов будут находиться ещё долго.

Спасибо.

Реплика. При этом дефицит этого стратегического планирования есть следствие ценностного нигилизма. Интересы всегда текуще ситуационны, без ценностной устойчивой основы стратегия невозможна.

В.Л. Римский. Правильно. Но наши политики нашли способ жизни в ситуации отказа от этих значимых ценностей, сплывающих, консолидирующих социум. Они могут вам рассказать про свою приверженность таким ценностям. Но эти ценности не превращаются у нас в мотивации поведения. И нам это не нужно. Мы нашли способы жить без этого.

Может быть, я опять же ошибаюсь, но мне кажется, в этом плане, допустим, Европейский Союз никак не может понять российских политиков. И правильно, справедливо. Потому что если есть ценности, то надо поступать в соответствии с этими ценностями. Тогда поведение России в международной политике и экономике оценивалось бы как понятное и предсказуемое. Но в современной России так не бывает никогда. Декларируются ценности, но они не действуют. Поэтому Европейский Союз оценивает российских политиков и нашу страну в целом, как непредсказуемых, как непонятных субъектов, поэтому и не доверяет практически ни в чём, подозревает в скрытых неблаговидных мотивах действий и т.п. А в нашей стране такое отношение Европейского Союза представляется как усиление конфронтации, как борьба против интересов России. Но при этом не используется значимый ресурс стратегического прогнозирования, следования ценностям и заранее разработанным планам и модернистским проектам для исправления такого отношения к нам.